

Леонид Левин

Курицы

Памяти коллеги, друга, наставника, одного из основателей нашего журнала Леонида Левина, ушедшего из жизни в начале этого года, посвящается эта публикация — его рассказ «Курицы»

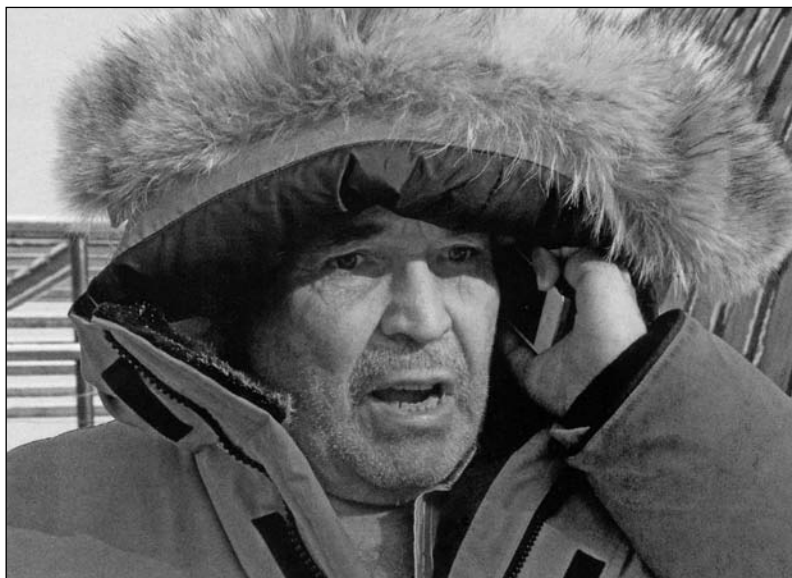
Странно, но в нашем дворе не водилось ни кошек, ни собак. То ли война выбила, то ли в голодуху съели. Единственная живность, полный эксклюзив, пёстрое украшение каменного колодца — куры. В самом центре столичного города, где легче найти неразорвавшуюся гранату, чем просо, где хлеб и всё остальное — строго по карточкам, ничего себе, живут-поживают куры. И, если верить завистливым репликам соседей: «Зачем ей одной два яйца» — несутся. В войну от такого деликатеса, как яйцо, потихоньку стали отвыкать. А тут...

Куры сами по себе не гуляли. Их выводила, в одно и то же время, на верёвочке пожилая дама, имевшая довольно стержневой характер. Мелюзге моего возраста, считавшей двор своей вотчиной, позволялось подходить к птице не ближе чем на пять метров. Стоило нарушить установленный порядок, и на виновного изливался поток слов, где непременно упоминались папа и мама. Привыкшие к тому, что нас, недокормленных и недоухоженных, все любят и жалеют, — поудивлялись. Но, достала, стали обижать-

ся. Наступил момент, когда накопленные от общения с дамой впечатления переросли в заскорузлую злость.

Пространство двора представляет собой две неравные части. Верхнюю и нижнюю. Чтоб попасть на верхнюю, надо пройти арку, и тогда попадаешь в ещё один каменный мешок, со всех сторон застроенный малоэтажными домами. Фишка «мешка» — встроенный в один из домов, ничейный или, лучше сказать, для всех — туалет. При нужде в него бегала ребятня, чтобы не карабкаться по лестницам на дальние этажи. Но и взрослые не гнушались посещать это заведение, глубоко проклинаемое теми из них, кто жил над ним, за запахи, но столь же глубоко почитаемое всеми остальными. Пацаны ждали и не могли дождаться, когда дама потеряет бдительность и оставит кур одних. Шли дни и недели, но ничего такого не случилось. Дама бдила и продолжала кричать особо настырным: «Чего уставился? Иди займись своим делом». Самым неотложным делом стала навязчивая идея — наказать сварливую тётку.

Жить постоянным ожиданием и трудно, и вредно. Тобой рано или поздно овладевает чувство глубокого разочарования. И мы, пожалуй, отступились, если б не помог случай. У дамы схватило живот и она, предчувствуя кризис, устремилась к арке, ре-

шая в уме нерешаемую задачу: как быстро добежать до туалета и при этом не упустить куриц. Куры, как и люди, насилия не выносят. Они «разорались» и оказали публичное сопротивление. Не тащить же их волоком... Дама приостановилась, привязала их к перильцам подвала, что вели в квартиру дворничихи, и понеслась решать главную для себя проблему. Паренёк, мой одноклассник и, должно быть, уже поэтому друг, сообразил на редкость быстро. Одного пацана оставили в конце арки, на шухере, наблюдать за туалетом. Чуть что — предупредить остальных. Трое

нырнули в разбитый войной подвал и с великим трудом вытащили ржавый бидон с неширокой горловиной. Мысль обрела конкретику — запихнуть в него куриц, двух, и шустро. Но, оценив сложность задачи, решили начать с одной. Отвязали бедолагу и, мешая друг другу, начали впихивать её в горловину ржавого сосуда. Операция прошла успешно.

И хотя курица не считала происходившее с ней правильным, участники похищения ликовали. Сверху, от поста наблюдения, поступил тревожный

сигнал: дама... Услышав дикие вопли птицы, она до времени прервала процесс и, оправляя юбку, неслась на зов.

Увы, только одна курица дожидалась и дождалась её. Второй, как ни осматривалась, как ни причитала — тютенька, тю, тю, тю — исчезла в неизвестном направлении. Голос есть, а курицы нет. Могла ли дама подумать, что ржавый бидон у подвального окна — это и есть тюрьма, где без вины виноватая курица отбывает пожизненный срок. За сварливую хозяйку.

Дама металась, обежала весь двор, подвалы, наконец, сообразила, что звук всё-таки идёт из бидона. Остановилась и заглянула в его тёмные бездны. Там, на самом дне, наоравшись, уже успокаиваясь, сидела пропaja. Замурованная и недоступная. Разве что любоваться ею издалека.

Что тут началось. Если бы сбылась десятая часть того, что пожелала инициативной группе женщина, я никогда бы не пересказал эту историю. На зов дамы во спасение сбежался весь двор. Заглядывали по очереди в горловину, и кто-то робко, по недомыслию, предположил: «Может, она сама туда как-то влезла? Куры, они же глупые...» Дама на секундочку забыла о курице и подробно объяснила ему, кто он есть и что, имея такие мозги, в бидоне должна сидеть не курица, а он. Мужик с позором ретировался, так и не поняв, чего он такого сказал. На этом предположения закончились. А соседи, насмотревшись в дырку, тоже стали расходиться: «Одна ест яйца, пусть одна и выкручивается».

Дама стояла обескураженная, потерявшая всю свою агрессию, и — плакала. Из её уст больше не сорвалось ни одного дурного слова. И перед нами, паршивцами, скрывавшимися от возмездия, предстала не мегера, не любимая нами за свой нрав, а раздавленный бедой человек. Отвязала теперь уже единственную птицу и, согнутая горем, понесла её домой.

Мы повылазили из своих укрытий. Закопёрщик, придумавший способ казни, почему-то смотрел не на нас, а вниз. И бурчал: «Сама виновата, развела кур...» Вроде всё происходит, как задумали, но тогда почему наши лица не светятся радостью?

Подошёл отец одного из ребят и спросил: «Ваше дело?» Промолчали, но по лицам было видно — наше.

**И ПЕРЕД НАМИ,
ПАРШИВЦАМИ,
СКРЫВАВШИМИСЯ
ОТ ВОЗМЕЗДИЯ,
ПРЕДСТАЛА НЕ МЕГЕРА,
НЕ ЛЮБИМАЯ НАМИ
ЗА СВОЙ НРАВ,
А РАЗДАВЛЕННЫЙ
БЕДОЙ ЧЕЛОВЕК.
ОТВЯЗАЛА ТЕПЕРЬ УЖЕ
ЕДИНСТВЕННУЮ ПТИЦУ
И, СОГНУТАЯ ГОРЕМ,
ПОНЕСЛА
ЕЁ ДОМОЙ**

Он, взрослый, сильный человек, долго возился, придумал устройство под бидон и приступил к работам по спасению. Процедура затянулась. Но закончилась относительно благополучно: испуганную помятую птицу извлекли из бидона, и она снова истошно кричала, протестуя против такого обхождения. Передал её с верёвкой-уздечкой сыну: «Привяжи, где была... А Наталье Николаевне (хозяйке птицы) скажите, чтоб спускалась во двор...» Выполнив трудную работу, он, наконец, облегчённо вздохнул и осмотрелся. Его окружила большая группа любопытных, сбежавшихся, чтобы насладиться «куриным шоу». Наталья Николаевна стояла чуть поодаль от всех и зачем-то вытирала платком глаза. Слёз не было. Все, видать, выплакала. Поблагодарила. Молча взяла птицу и ушла. Больше она нас не гоняла, да и мы потеряли всякий интерес к её курицам.

Совершенно случайно, из разговоров, которые вели взрослые, узнали, что в войну на её глазах погибли муж и дети. И эти две курицы — последнее, что связывает её с мирным и счастливым временем, когда в её семье все были живы.

